

героїв роману «Не турбувати» не лежить в області почуттів, дріб'язковості чи лицемірства, вони роблять те, що диктує їм практична необхідність.

Список використаної літератури:

1. Себежко Е.С. Новеллистика Мюриэл Спарк . Научные доклады высшей школы / Е.С. Себежко // Филологические науки. – 1984. – № 2 – С. 30 – 35.
2. Шляпникова М. В. Позднее творчество Мюриэл Спарк / М.В. Шляпникова. // Русская и сопоставительная филология : Лингвокультурологический аспект. – Казань, 2004. – С. 336 – 341.
3. Spark M. Not to Disturb. – 1971. – Macmillan London LTD, Bristol.

Науковий керівник: к. філол. н., доцент Шуба Ю.В.

Я.В. Пономаренко

Черкасский национальный университет имени Богдана Хмельницкого

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ФОРМЫ ИРОНИИ В ТВОРЧЕСТВЕ Н. В. ГОГОЛЯ

История развития и становления языковой культуры славян немислима без изучения творчества великого русского прозаика, драматурга, критика и публициста Н.В. Гоголя. «Имя Гоголя, – отмечает В.В. Виноградов, – вошло в круг имен величайших деятелей русской литературы и русской речевой культуры» [1, с. 16]. Особым реализмом и критическим изображением действительности эпохи XIX века пронизаны произведения Н.В. Гоголя, которые отличаются использованием национального русского языка во всем многообразии его проявлений, сближая язык художественной литературы с разговорной речью. «В образной семантике народных слов и прозвищ, в богатой оттенками и поражающей острыми сопоставлениями понятий синонимике народных выражений Гоголь старается открыть национально-русское понимание тех или иных предметов, качеств, свойств» [2, с. 56]. Наполненность произведений писателя разнообразной по окраске лексикой способствует формированию комических представлений об изображаемой действительности, среди которых особый пласт занимает ирония. Как равноправная форма комического ирония является феноменом культуры, свидетельством определенного уровня зрелости культуры [5, с. 8], выступает «отражением менталитета народа и имеет этнокультурную специфику» [4, с. 10].

Гоголевская ирония отличается особой экспрессией, переплетается с сатирой и юмором и зачастую носит скрытый характер, то есть является способом выражения неявной авторской оценки в произведении. Рассмотрим лексические средства актуализации иронии в повести Н.В. Гоголя «Старосветские помещики», в которой, рассказывая об «идеальной» жизни супружеской пары помещиков Афанасия Ивановича и Пульхерии Ивановны, писатель с иронией вскрывает все пустоты человеческого существования героев произведения.

Остановимся на анализе лексических единиц, получивших эмоционально-образную, ироническую окраску в небольших контекстах и придающих ироническую направленность всему произведению.

Скрытая оценка писателем главных героев повести раскрывается с помощью сравнения персонажей с героями античного мифа. Используемые имена собственные *Филемон* и *Бавкида* трактуются в мифологии как «неразлучная и любящая чета, незлобивая и радушная» [6], что указывает на чрезмерную доброту и неразлучность супружеской пары помещиков. Ср.: «Афанасий Иванович Товстогуб и жена его Пульхерия Ивановна Товстогубиха <...> Если бы я был живописец и хотел изобразить на полотне *Филемона* и *Бавкиду*, я бы никогда не избрал другого оригинала, кроме их» [3, с. 169].

Бесцельная жизнь главных персонажей, полная безмятежности и спокойствия, завуалирована автором в ироничном описании их жилья. Писатель использует ряд прилагательных с уменьшительно-ласкательным значением, образованных при помощи суффикса *-еньк*: *маленький*, *низенький*, *узенький*. По сути, такой является и вся жизнь героев, ограниченная только помещьем. Ср.: «Комнаты домика, в котором жили наши старички, были *маленькие*, *низенькие*, какие обыкновенно встречаются у старосветских людей» [3, с. 170]; «Стены комнат убраны были несколькими *картинами* и *картинками* в старинных

узеньких рамах» [3, с. 170 – 171]. С иронией автор описывает захлавленную обстановку комнат, отражая в накопительстве одну из особенностей жизни героев в своем маленьком мире. Н.В. Гоголь использует своего рода игру слов, противопоставляя существительные с нейтральными суффиксами существительным с суффиксами с уменьшительно-ласкательным значением *-ин+к, -ичк, -очк, (о)к*: *картины и картинки, сундуки и сундучки, ящички и ящички, мешки и узелки, клубки и лоскутки*. Ср.: «Комната Пульхерии Ивановны была вся уставлена *сундуками, ящичками, ящичками и сундучочками*. Множество *узелков и мешков* с семенами, цветочными, огородными, арбузными, висело по стенам. Множество *клубков* с разноцветною шерстью, *лоскутков* старинных платьев, шитых за столетие, были уложены по углам в *сундучках* и между *сундучками*» [3, с. 171].

Запасливость и расчетливость как черты характера и смысл существования Пульхерии Ивановны писатель представляет скрыто с помощью ряда отглагольных существительных *отпирание, запираение, соление, сушение, варение*, а также ряда глаголов с приставкой *на-* со значением постепенного накопления, действия в большом количестве. Ср.: «Хозяйство Пульхерии Ивановны состояло в беспрестанном *отпирании* и *запирании* кладовой, в *солении, сушении, варении* бесчисленного множества фруктов и растений <...> Всею этою дрянью *наваривалось, насаливалось, засушивалось* такое множество, что, вероятно, она потопила бы наконец весь двор, потому что Пульхерия Ивановна всегда сверх расчисленного на потребление любила готовить еще на запас ...» [3, с. 172]. Скрытая авторская оценка главной героини представляется с помощью прилагательного цветообозначения *серенький* – с одной стороны, через описание ее привязанности к серенькой кошечке, а, с другой, предпочтения серенького платья, что говорит о серой и никчемной жизни героини, лишенной ярких событий и каких-либо перемен. Ср.: «У Пульхерии Ивановны была *серенькая* кошечка, которая всегда почти лежала, свернувшись клубком, у ее ног <...> Нельзя сказать, чтобы Пульхерия Ивановна слишком любила ее, но просто привязалась к ней, привыкнув ее всегда видеть» [3, с. 179]; «Платье наденьте на меня *серенькое* – то, что с небольшими цветочками по коричневому полю. Атласного платья, что с малиновыми полосками, не надевайте на меня: мертвой уже не нужно платье» [3, с. 180].

Иронический колорит, пронизывающий повесть от начала до конца, представлен противопоставлением словосочетания *взаимная любовь*, которым автор характеризует отношения между супругами в течение всего произведения, лексемам *долгая, медленная, бесчувственная привычка* в заключении повести, что косвенно указывает на мнимость их истинной любви и на бессмысленность прожитой жизни персонажей. Ср.: «Нельзя было глядеть без участия на их *взаимную любовь*» [3, с. 169]; «Что бы ни было, но в это время мне казались детскими все наши страсти против этой *долгой, медленной, почти бесчувственной привычки*» [3, с. 184].

Таким образом, ирония в проанализированной повести представлена набором определенных лексических единиц, в которых скрыта оценочная позиция автора по отношению к героям повести и их жизни, а также связана с видением мира, социальными ценностями русского народа представленной эпохи и является элементом отражения их языковой культуры.

Список использованной литературы:

1. Виноградов В.В. Гоголь как культурно-психологическое и народно-языковое явление // Памяти академика Виктора Владимировича Виноградова: сб. ст. – М.: Изд-во МГУ, 1971. – С. 13 – 22.
2. Виноградов В.В. Избранные труды. Язык и стиль русских писателей. От Гоголя до Ахматовой. – М.: Наука, 2003. – 390 с.
3. Гоголь Н.В. Вечера на хуторе близ Диканьки; Миргород. – Мн.: Нар. асвета, 1980. – 351 с.
4. Горностаева А.А. Ирония в английской и русской коммуникативных культурах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2013. – 22 с.
5. Пивоев В.М. Ирония как феномен культуры. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2000. – 106 с.
6. Энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/es/60478> (дата обращения: 11.05.2016).

Науковий керівник: д. філол. н., професор Киченко О.С.